

**ПРАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ
ВЕРУЮЩИХ И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
В АДМИНИСТРАТИВНОЙ СФЕРЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ БЕЛАРУСИ)**

Калинина А. С.

(Минск, Институт теологии

Белорусского государственного университета)

Общий ход и методы административной политики государства в области религии второй половины 1930-х гг. были обусловлены отношением властей к религиозным обществам как «контрреволюционным организациям», подлежащим «скорейшей ликвидации» согласно сталинской идеологической концепции «обострения классово-борьбы в городе и деревне» по мере «строительства социализма в одной отдельно взятой стране». На местном уровне власти практиковали следующие способы притеснения верующих в административной сфере: отказы в регистрации священнослужителей на приходы, «временное» изъятие молитвенных зданий под складские помещения, административное изъятие церквей «по требованию большинства населения».

Отказы в регистрации служителей культа могли быть совершенно немотивированными, необоснованными и вследствие этого непонятными для верующих, о чем свидетельствует ряд документов, например, заявление церковно-приходского совета Успенской церкви г. Кричева от 1 января 1935 г. [16, л. 15–15об.], заявление прихожан Свято-Николаевкой церкви с. Романовичи Гомельского района от 26 июля 1935 г. [2, л. 24–24об.]. В других ситуациях власти ссылались на ряд причин, с их точки зрения, достаточных, чтобы не допустить священнослужителя к исполнению своих пастырских обязанностей. Так, обновленческий священник Сергей Миркович, поясняя благочинному в письме от 14 января 1935 г., почему Наровлянский РИК

отказался зарегистрировать его в с. Белая Сорока, перечисляет следующие причины: 1) «политически неблагонадежная» обстановка в селе – «дело Гитлеровцев, в котором замешан священник Березовский (назначения епископа Филарета)», 2) «будто бы 70% населения против церкви», при этом автор письма замечает, что церковная община пригласила его и выплатила все государственные повинности по церкви на 1935 г.; 3) близость военного городка, находящегося в 4 верстах от храма; 4) условная судимость самого Мирковича [16, л. 16–16об.]. Автор письма считал вышеизложенные причины недостаточными для отказа в регистрации, полагая действия местных властей незаконными, и указывал на распространенность данной практики в других местах [16, л. 17].

Анализ вышеприведенных документов показывает, что действия властей носили политический и идеологический характер, основываясь на идее «контрреволюционной сущности» религиозных организаций. Как правило, такая позиция властей открыто верующим не объявлялась: это означало бы признание притеснения свободы вероисповедания и гонений «за веру», несостоятельности и политизированности принципа отделения церкви от государства, провозглашенного в 1918 г. Верующих ставили непосредственно перед фактом отказа в регистрации либо выставляли условия (например, ремонт церковного здания), только при соблюдении которых становилось возможным допустить регистрацию священнослужителя [9, л. 308].

В том же русле протекала практика административного изъятия храмов, причем допускалось применение как формально законных, так и явно противозаконных мер. Здесь показательным примером является история с Любоничской церковью Кировского района, при изъятии которой власти использовали весь доступный им арсенал приемов административного воздействия.

В августе 1935 г. по предварительной договоренности церковной пятерки с РИКом храм был изъят для «временного» использова-

ния под складское помещение (хранение зерна) сроком до 1 октября 1935 г., причем культовое имущество было переписано и оставлено на хранение в церкви. Однако впоследствии храм верующим не возвратили, все имущество при этом было изъято сельсоветом и РИКом. Пятерка неоднократно подавала ходатайства о возврате церкви, но они не были удовлетворены ни местным РИКом, ни ЦИКом БССР. В марте 1937 г. пятерка предприняла еще одну попытку добиться справедливости и начала собирать подписи за открытие церкви [13, л. 14].

Тогда местная парторганизация подвела под действия властей законное основание – уже упомянутое ранее «требование большинства» (или «настойчивое требование колхозников и рабочих единоличников») [3, л. 132] закрыть храм, однако при этом сбор подписей за изъятие церкви приобрел противоправные формы: директор Любоничской школы «дал установку собирать подписи среди учащихся, начиная с 1-го класса», а заведующий соседней школой сам расписывался за первоклассников, старших детей (4 класс) задерживал в школе до позднего времени, пока они не соглашались включить свои имена в список [13, л. 15].

В другом случае (1936 г., Прибытковский сельсовет Гомельского района) местные партийные работники после ремонта верующими приходской церкви «организовали кампанию по закрытию церкви и организации в этом помещении звукового кино» [9, л. 308]. При этом «было собрано 628 подписей из 806 общего количества граждан, пользующихся правом голоса» [9, л. 308].

Согласно архивным данным, политика изъятия церквей в БССР во второй половине 1930-х гг. осуществлялась успешно: если по сведениям на 1935 г. на территории республики в пользовании православных верующих находилось 162 «религиозных строения» [8, л. 81–82], то на дату 20 декабря 1936 г. действовало уже только 74 церкви (из них «староцерковной» ориентации – 42, белорусской автокефальной – 26, обновленческой – 6) [14, л. 56], «по ходатайству граждан» за

1936 г. была закрыта 81 церковь [10, л. 394]. В ряде районов БССР не осталось ни одной действующей церкви, например, в Заславском районе, где 4 из 7 существующих церковных зданий были переданы для переоборудования под склад, электростанцию или клуб «по ходатайству колхозной массы», остальные стояли закрытыми [12, л. 83].

В период массовых репрессий в августе 1937 – ноябре 1938 гг. устоявшаяся практика административного изъятия церквей была дополнена жесткими репрессивными мерами. С одной стороны, за любым молитвенным зданием окончательно закрепляется идеологический ярлык «рассадника контрреволюции», подлежащего скорейшей ликвидации. При этом видимость законности и соблюдение всех внешних формальностей сохранялись: к примеру, на заседании Бюро Витебского Горкома КП(б)Б 11 октября 1937 г. был вновь прописан и утвержден порядок изъятия всех молитвенных зданий в г. Витебске. Согласно постановлению, перед изъятием молитвенных зданий города всем секретарям парткомов и парторгам необходимо было «провести соответствующую политическую работу среди рабочих масс города по сбору подписей среди рабочих за закрытие церквей, костелов и синагог, которые являются рассадником контрреволюционной работы в городе», после чего подписные листы «оформить через Президиум Горсовета, ... поставить вопрос перед ЦИК БССР на предмет утверждения» [1, л. 309].

С другой стороны, согласно данным докладной записки, предоставленной наркомом внутренних дел БССР А.А. Наседкиным в ЦК ВКП(б) 24 июня 1938 г., «функционирование церквей в БССР прекратилось в 1937 и 1938 гг., главным образом, вследствие арестов духовенства за активную антисоветскую деятельность», в то время как «значительная часть недействующих церквей формально не закрывались, от верующих не изымались и от ряда церквей ключи находятся у церковного актива» [14, л. 68]. Иными словами, в ходе массовых арестов и повсеместной ликвидации духовенства как «контрреволю-

ционного элемента» необходимость даже в формальном соблюдении законодательства при изъятии церкви отпадала.

Закрытие храмов по причине «контрреволюционной деятельности попа» осуществлялось и ранее 1937 г., как это произошло, например, со Свято-Николаевской церковью Козыревского предместья г. Минска в 1935 г. [6, с. 179]; в том же Заславском районе 2 из 7 церквей также не функционировали по вышеупомянутой причине [12, л. 83]. Однако именно во второй половине 1937–1938 гг. закрытие храмов в связи с арестами духовенства приобрело массовый характер. В результате, по сведениям А.А. Наседкина, на дату 21 июня 1938 г. «имелось действующих церквей – 2, одна в г. Орше и одна в г. Мозыре» [14, л. 56]. Ряд храмов, по предложению наркома, следовало открыть для «быстрейшего нанесения оперативного удара по антисоветскому церковному активу и для антирелигиозного разложения отсталых религиозных масс» [14, л. 77]. Вероятно, после этого в некоторых церквях в течение 1938 г. богослужения были возобновлены, так как в докладной записке «О состоянии антирелигиозной пропаганды по Гомельской области по состоянию на 15 мая 1939 г.» упоминается о пасхальном богослужении в церкви по Комсомольской улице г. Гомеля [15, л. 181]. Последний действующий храм, находившийся в г. Бобруйске, был закрыт 24 июня 1939 г. [6, с. 221], после чего официально действующих церквей на территории Восточной Беларуси не оставалось вплоть до начала Великой Отечественной войны [5, с. 71].

Следует отметить, что православные верующие в ряде районов в ответ на административное давление со стороны государства пытались сохранить и наладить церковную жизнь, действуя, в основном, в рамках советского законодательства. При этом на протяжении 1935 г. фактов церковной активности верующих встречается относительно немного: помимо представленных ранее 2 прошений о регистрации священнослужителей и попыток церковной пятерки вернуть «поза-

имствованный» под зернохранилище Любоничский храм, в архивных документах зафиксирован еще 1 случай в Лельчицком районе Мозырского округа, произошедший в декабре 1935 г. Согласно сведениям, бывший церковный староста и другие верующие «проводили работу по сбору денег на погашение налогов за Буйновичскую церковь и которую хотели вернуть опять для верующих» [4, л. 192]. Среди причин подобной незначительной активности верующих в 1935 г. необходимо выделить следующие: во-первых, известно, что люди из страха перед репрессиями в отношении наиболее деятельных «церковников» не хотели брать на себя обязанности по управлению приходом; во-вторых, документы, отражавшие состояние церковной жизни православного населения в БССР во второй половине 1930-х гг., носят специфический характер: значительная часть документов за 1935–1936 гг. как в центральных, так и в региональных архивах Республики Беларусь сфокусирована на «поисках и разоблачении троцкистско-зиновьевских врагов и шпионов» в ущерб вопросам антирелигиозной пропаганды и агитации. Возможно, именно в связи с этим информация о деятельности «церковников» в документах 1935–1936 гг. практически не встречается, особенно в сравнении с периодом активизации антирелигиозной деятельности государства в 1937 г.

Информация о попытках противодействия православных верующих политике административного изъятия молитвенных зданий в 1936 г. содержится в архивных документах за 1937 г., усиление антирелигиозной тематики в которых обусловлено неожиданными и неудовлетворительными по п. №5 «Религия» результатами всесоюзной переписи населения (56% населения СССР показало себя верующими) и усилением гражданской и религиозной активности верующих в связи с принятием Конституции СССР 1936 г., п. 124 которой обеспечивал всем гражданам СССР «свободу отправления религиозных культов». О попытках реализации своих конституционных прав духовенством и верующими СССР в вопросе о возвращении изъятых

административным путем молитвенных зданий свидетельствуют как данные докладной записки председателя Комиссии культов ЦИК СССР П. А. Красикова «О состоянии религиозных организаций» от 1 сентября 1936 г., так и многочисленные факты, зафиксированные в архивных источниках Беларуси.

В частности, П. А. Красиков в своей докладной отмечает факт роста общего числа заявлений и жалоб верующих на союзном уровне: «После опубликования проекта новой Конституции количество жалоб увеличилось и изменился их характер ... Почти в каждом имеются ссылки на 124 и 125 статьи Конституции. Тон заявлений стал требовательнее, настойчивее». Далее председатель пишет, что ходатайства об открытии церквей, «закрытых под склады, не используемых ни под какие цели... и церквей, в которых просто административным путем были запрещены религиозные обряды», стали «повседневными» [17, с. 304].

Ситуацию в БССР по данному вопросу освещает докладная записка «О состоянии антирелигиозной пропаганды в Белоруссии» за 1937 г., составленная заведующим отделом партпропаганды и агитации ЦК КП(б)Б т. Сигналовым на имя секретарей ЦК КП(б)Б А. Волкова, А. Левицкого и В. Потапейко. В самом начале докладной автор отмечает, что «церковники всех мастей, пытаясь использовать широчайшую демократию, данную сталинской Конституцией и всемерно искажая Конституцию, бешено активизируют свою подрывную контрреволюционную деятельность в подготовке к выборам в верховный совет СССР» [10, л. 393]. Описывая общее положение «религиозных культов» в БССР, Сигналов приводит следующие факты: всего по «ходатайству трудящихся» в 1936 г. было закрыто 112 домов культов, при этом заявлений верующих об открытии молитвенных зданий поступило 235, в том числе об открытии церквей 158 заявлений из 51 района, в то время как закрыта по ходатайству трудящихся 81 церковь [10, л. 393–394].

Можно также привести некоторые другие, косвенные данные об активизации в 1936 г. верующих БССР в деле сохранения церковей под влиянием проекта новой Конституции. Вероятно, уверенностью в соблюдении властями нового законодательства объясняется высокая активность и настойчивость верующих, проявленные ими в попытках вернуть Прибытковскую церковь в Гомельском районе, к которой Гомельский горсовет пообещал зарегистрировать священника взамен на ремонт храма. Несмотря на смету в 30 000 руб., «верующими был организован сбор средств и чрезвычайно быстрыми темпами церковь была отремонтирована» [10, л. 308]. Следует отметить факт сбора 400 подписей за открытие православного храма в Дзержинске с последующим отъездом двух прихожанок в Москву с ходатайством об открытии [6, с. 190].

Верующие продолжали отстаивать право на «свободу отправления религиозных культов» и в 1937 г. Например, церковная пятерка уже упомянутой Любоничской церкви стала собирать подписи за открытие храма в конце марта 1937 г., хотя церковь была изъята в 1935 г. [13, л. 14]. Сохранилась копия протокола заседания Комиссии по культам при ЦИК БССР за апрель 1937 г., в которой представлены сравнительно подробные сведения о подаче 38 заявлений от верующих различных исповеданий, касающиеся возврата молитвенных зданий и регистрации священнослужителей, в том числе 26 обращений со стороны православного населения [12, л. 51–56]. Наибольшее количество заявлений было подано из районов современной Могилевской (12) и Гомельской (8) областей, из Минской и Витебской – соответственно по 3. При этом 10 обращений поступило из городов и местечек, 16 – из сельской местности. В 12 случаях в качестве подавателей заявлений указаны церковно-приходские советы или религиозные общины (товарищества), в 8 случаях – только верующие (прихожане), верующие и приходские советы в совокупности – в 3 случаях, заявления от конкретного лица (представителя или попечителя ве-

рующих) поступили в 3 случаях из 26. Следует отметить, что в 3 заявлениях было указано точное количество верующих (в том числе колхозников), желающих вернуть церкви: так, об открытии церкви в д. Болонов-Селец Быховского района ходатайствовали 1116 человек, из них 823 «верующих колхозника» [12, л. 52], с заявлением о возврате Жлобинской церкви обратились 485 верующих, не считая членов ЦПС [12, л. 52], не менее 203 сельских жителей (включая 60 колхозников) просили о возврате церкви в Шкловском районе [12, л. 53]. В указанном протоколе значится и заявление церковной пятерки д. Любоничи [12, л. 54], свидетельствующее, что требование верующих достаточно быстро достигло центральных органов власти.

Следует отметить, что в некоторых случаях попытки верующих вернуть церковь перерастали в открытые конфликты с местными властями. В архивных источниках зафиксировано 3 факта выступлений верующих: в Дрибенском, Чаусском и Шкловском районах [14, л. 66; 7, с. 65]. Последний из них, произошедший в Ничипоровичском сельсовете на праздник Благовещения 7 апреля 1937 г., подробно изложен в докладной записке «Об антисоветском выступлении в Шкловском районе 07.04.37 г.», составленной инструктором отдела партийной пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б т. Лакизо и адресованной секретарям ЦК КП(б)Б В.Ф. Шаранговичу и Д.И. Волковичу [11, л. 14–19]. Характерно, что во всех трех случаях попыток «захвата церквей» верующие были «спровоцированы» на выступления «путем контрреволюционного толкования Сталинской конституции» [14, л. 66]. В частности, верующие Ничипоровичского сельсовета требовали: «Открывайте церковь, потому что в Конституции написано, что церкви должны быть открыты» [11, л. 16].

Анализ представленных фактов позволяет сделать следующие выводы: в условиях административного изъятия молитвенных зданий в 1935 – первой половине 1937 гг. стремление верующих сохранить действующие церкви, характерное для первой половины

1930-х гг., превратилось в деятельность по открытию церквей, закрытых и не функционирующих сравнительно давно. Попытки возврата храмов в большинстве случаев осуществлялись через сбор подписей «за открытие церкви и регистрацию священнослужителя» с подачей в высшие государственные инстанции, проводившийся членами церковно-приходских советов среди верующего населения, редко – путем открытых выступлений. Случаи сбора подписей участились в связи с принятием Конституции 1936 г., положительно воспринятой верующими как действительная гарантия соблюдения принципа свободы совести в советском государстве. География церковной активности верующих охватывала все регионы БССР, при этом более чем в половине случаев инициативу по возврату храмов брали на себя церковно-приходские советы, хотя встречаются случаи массового участия верующих, в том числе верующих колхозников, в попытках открытия церквей.

О данной деятельности православного населения в 1937–1938 гг. точных сведений практически нет. Можно предположить, что в условиях, когда публичная активность в церковных делах служила поводом для органов госбезопасности занести человека в разряд «наиболее активных антисоветских элементов из церковников» с последующим арестом и приговором к расстрелу или 8–10-летней лагерной ссылке, возможность вернуть на законных основаниях храм, открыто продолжать участвовать в организации церковной жизни для верующих была исключена. Неизвестно также, принимал ли кто-либо из верующих участие в возврате тех 10–12 церквей, открыть которые в 1938 г. предложил А.А. Наседкин. Во всяком случае, изъятие последнего храма летом 1939 г. означало ликвидацию всех православных религиозных объединений, а значит, исчезли условия для легальной организованной деятельности верующих вокруг церкви.

Источники и литература

1. Государственный архив Витебской области. – Фонд 102. – Оп.1. – Д.563.
2. Государственный архив Гомельской области. – Фонд 296. – Оп.1. – Д.361.
3. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 219. – Оп.1. – Д.172.
4. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Фонд 3650. – Оп.2а. – Д.128.
5. Кривонос, Ф., прот. Белорусская православная церковь в XX столетии : спецкурс лекций для Минской духовной семинарии / прот. Ф. Кривонос. – Минск : Врата, 2008. – 255 с.
6. Кривонос, Ф., прот. У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы) / прот. Ф. Кривонос. – Минск : МФЦП, 2007. – 240 с.
7. Маракоў, Л.У. Рэпрэсаваныя свяшчэнна- і царкоўнаслужыцелі Беларусі 1917–1967. Энцыклапедычны даведнік у 2-х тамах. Лабяк – Яцкевіч. Т. 2 / Л.У. Маракоў. – Мінск : Беларускі Экзархат, 2007. – 656 с.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп.1. – Д.8989.
9. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп.1. – Д.10972.
10. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп.1. – Д.11834.
11. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп.1. – Д.11852.
12. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп.1. – Д.11853.
13. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп.1. – Д.12035.
14. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп.1. – Д.13219.
15. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп.1. – Д.13928.
16. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 2786. – Оп.1. – Д.562.
17. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы / Москва : Издательство Библейско-Богословского института св. апостола Андрея, 1996. – 352 с.